

К ВОПРОСУ О СУБСТАНТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Билалова Х.А.¹

¹ГОУ ВПО 'Дагестанский Государственный университет', Махачкала, Россия (367000, Махачкала, ул. Гаджиева, 43А), e-mail: khadizha@inbox.ru

Субстантивация как один из видов транспозиции, как известно, бывает полной и частичной и может происходить, охватывая разные виды языковых единиц: прилагательные, причастия, числительные и т.д. Данные единицы, употребленные в атрибутивной функции, могут субстантивироваться, т.е. приобрести способность выступать в качестве имен существительных. Автором рассматриваются наиболее характерные случаи субстантивации причастий в лезгинском и английском языках, выделяются общие и специфические черты. При субстантивации имеет место категориальное преобразование слова при изменении синтаксического окружения единицы с приобретением ею соответствующих морфологических показателей существительного. Однако в английском языке морфологическая перестройка при субстантивации выражается в заметных ограничениях в категориальных формах имени, в формах падежа и числа. Субстантивное употребление причастий в лезгинском языке имеет более интенсивный характер, что, по мнению автора, объясняется присущей ему тенденцией к использованию агглютинативных средств грамматического выражения.

Ключевые слова: субстантивация, причастие, лезгинский язык, английский язык.

ON THE ISSUE OF SUBSTANTIVIZED PARTICIPLES (AT THE MATERIAL OF THE LEZGIN AND ENGLISH LANGUAGES)

Bilalova H.A.¹

¹Dagestan State University, Makhachkala, Russia (367000, Makhachkala, Gadzhiev street, 43A), e-mail: khadizha@inbox.ru

The process of substantivization as a type of transposition is known to be full and partial and can involve different parts of speech such as adjectives, participles, numerals, etc. The units mentioned can be used attributively and therefore substantivized, i.e., used in place of a genuine noun. The most prominent cases of participle substantivization in the Lezgin and English languages are considered discovering general and specific features. Substantivization has morphological consequences in terms of different paradigms of its input and output and includes syntagmatic changes, respectively. However, English participles functioning as nouns generally have generic reference, do not inflect for number or the-s genitive, and require a singular verb. The remarkably free substantival use of the participle in Lezgin in comparison with English seems to be largely due to the freedom allowed by its tendency to express concepts forming words by agglutination.

Keywords: substantivization, participle, the Lezgin language, the English language.

Изучение субстантивации причастий на материале двух разносистемных языков – английского, который имеет аналитический строй и входит в группу германских языков, и лезгинского, обладающего синтетическим строем и относящегося к иберийско-кавказским языкам, представляет большой интерес с точки зрения типологических исследований. Как известно, типология предполагает выявление общих моментов в разных языках, как родственных между собой, так и неродственных. Характерной особенностью типологии сегодняшнего дня является то, что она не стремится выбирать объектом типологизирования языки как целостные системы, а проявляет 'особую заинтересованность в сравнении таких структурных фрагментов языковых систем, как фонологический, морфологический и синтаксический' [8, с. 238-239]. Такая фрагментарная типология как раз и является методом исследования в данной работе.

В исследованиях по лезгинскому языку причастия выделяются как класс словоформ, совмещающих категориальные признаки глагола и прилагательного. Тем не менее, надо признать, что причастие как самостоятельная часть речи, в лезгинском языке почти не получило своего развития. По своему морфологическому строению практически все современные лезгинские причастные формы за исключением причастия прошедшего времени, в сущности, совпадают с соответствующими временными формами индикатива, восприятие которых в качестве адъективов полностью обусловлено синтаксической позицией, т.е. когда они имеют фиксированное место в предложении – находятся в препозиции к определяемому слову или когда они субстантивированы. Форма причастия прошедшего времени в ‘Морфологии лезгинского языка’ определена как ‘собственно причастная форма’ [5, с. 100]. Действительно, это – единственная форма лезгинского глагола, последовательно выступающая только в функции качественно-действенного определения имени, свойственной причастиям. В данной связи Б.Б. Талибов полагает, что в лезгинском языке ‘на определенном этапе развития, надо полагать, на общелезгинском хронологическом уровне, наметилась тенденция трансформации определенных временных форм глагола в истинные причастия, свидетельством чему является появление особых форм причастия, соотнесенных с конкретным временным планом – имеются в виду такие специальные причастия, как, прежде всего, субстантивированные формы и формы причастия прошедшего времени на – ай, - ей, - айи, - ейи, -р’ [11, с. 183].

Обладая изначальной ‘гибридностью’ – скрещением свойств имени и глагола, причастие сравнительно легко транспонируется в прилагательное. Это может происходить при нарушении равновесия, установившегося при скрещении указанных свойств: действие и признак – по семантике; вид, время, залог и род, число, падеж – по морфологическому, категориальному оформлению; управление и согласование – по синтаксическим связям и функционированию. При малейшем ослаблении глагольных свойств начинают перевешивать свойства именные. Возможным следствием данного процесса являются адъективация либо субстантивация причастий.

Так, причастие, употребленное в позиции приподлежащего определения, может трансформироваться в подлежащее. Подлежащее эллиптируется, бывшее определение принимает на себя его функцию и вступает одновременно с этим в синтаксическую связь со сказуемым. Например, в английском предложении: ...*the priest bent over his shoulder and put a crucifix to the lips of the **dying** man* (E. Voynich) – ...*священник наклонился через плечо и приложил распятие к губам **умирающего** человека* выделенное слово – причастие, являющееся определением к существительному *man*.

Если же мы опустим определяемое этим причастием существительное, то произойдет субстантивация причастия *dying*. Атрибутивный компонент при этом абсорбирует общее значение (лицо) определяемого слова. Проиллюстрируем это примером, где слово *dying* в связи с опущением определяемого субстантивировалось: **Something in the voice penetrated to the ear of **the dying***. (B. Stowe) – *Что-то в этом голосе взволновало **умирающего***.

Образование субстантивов от адъективов трактуется как очень продуктивный способ словообразования в лезгинском языке. В частности, Д.С. Самедов отмечает, что практически от любого адъектива и числительного может быть, таким образом, получен субстантив [10, с.6], т.е. путем опущения существительного в словосочетании 'причастие + существительное' и перенесения его предметного значения на причастие. Опущенное имя всегда можно восстановить или предположить: лезгинские причастия легко субстантивируются, если имеют в качестве референта человека, лицо. Особенно четко это прослеживается в таком жанре суждений, как пословицы и поговорки, где субстантивация причастий является регулярным средством. Например: *Цан цайиди – кьулухъ, тIамбул ягъайди – вилик* (Погов.) – *Пахавиий – позади, напевавиий – впереди*'. В данном примере *цайиди, ягъайди* – субстантивированные причастия прошедшего времени в форме им.п., ед.ч. (неоформленные основы – *цайи, ягъай*).

Известно, что иногда субстантивация носит устойчивый, внеконтекстуальный характер, а иногда субстантивация той или иной языковой единицы происходит только в данном контексте, является контекстуальной, окказиональной. Так, применительно к лезгинскому языку некоторые исследователи также различают два вида субстантивации: полную и неполную. В частности, Н.Ш. Абдулмуталибов причастия из приведенных выше примеров классифицирует как случаи неполной субстантивации, поскольку 'при полной субстантивации причастие окончательно переходит в разряд имени существительного (ИС), теряет возможность употребляться как причастие, т.е. слово выходит из системы глагола, утрачивает значение процессуальности и полностью переходит в разряд имени, приобретая характерные для ИС лексико-морфологические признаки, и выполняет синтаксические функции только ИС' [1, с. 7-8]. Как мы видим, исследователь вкладывает в это понятие то же содержание, что и исследователи русского языка, а именно: при полной субстантивации прилагательное (причастие), от которого образовано существительное, из языка исчезает. В качестве доказательной базы автор приводит несколько примеров полностью субстантивированных причастий, ср.: *кIамай* 'глупец, юрод' (кIамай 'нехватаящий'), *амукъаяр* 'пережитки, остатки' (амукъай 'оставшийся'), *дакIурар* 'сорт груш' (дакIур 'опухший'), *акIаяр* 'сорт орехов' (акIай 'застрявший') и т.д. Следует отметить, что все перечисленные выше языковые единицы, за исключением первой, являются плюральными формами (– *ар/- яр* – это характерный для имени существительного аффикс множественного числа). Однако, на наш взгляд, здесь наблюдается некоторое противоречие, поскольку все эти слова, несмотря на утрату всех глагольных свойств (отрицания, возвратности, обратности действия, синтаксического управления и др.) и приобретения чисто номинативной функции, продолжают функционировать в языке в качестве причастий, выступая в свойственной им функции качественно-действенного определения имени. Ср.: *дакIур чин* 'опухшее лицо', *амукъай хуьрек* 'оставшаяся еда' и т.д.

Исходя из этого точка зрения, согласно которой отсутствие у субстантивата омонима-причастия свидетельствует о полной субстантивации, представляется нам не вполне обоснованной. Слова могут приобретать некоторые признаки другой части, отдаляться от одной части речи и приближаться к другой, могут в одинаковой мере проявляться и в старой, и в новой своей морфологической принадлежности, причем вхождение в новую часть речи не обязательно предполагает полный выход из первоначального класса слов, ведь в развитых языках широко распространено явление омонимии.

Как известно, каждый класс слов как в английском, так и в лезгинском языке имеет типичную для него дистрибутивную характеристику, определяемую на основе согласованного и закономерного взаимодействия с единицами других классов в контексте. Однако дистрибутивные характеристики классов слов могут пересекаться при перемещении какой-либо единицы в окружение, типичное для единиц другого, противопоставленного класса. При этом данная единица приобретает нетипичную для себя сочетаемость. В частности, в английском языке основным условием функционального использования различных языковых единиц в качестве существительного выдвигается приобретение артикля-актуализатора, так как 'именно артикль в качестве признака существительного служит в первую очередь показателем того, что та или иная языковая единица (не существительное) имеет значение существительного и выполняет его функции' [3, с. 21]. Например:

*But **the drunk** had other intentions (Host.) – Но у **пьяного** были другие намерения.*

Ценным относительно предмета нашего исследования нам видится замечание З.З. Ризахановой о функциональном соответствии артиклей *a* и *the* в английском языке окончаниям *-di*; *-бур*, которыми оформляются лезгинские причастия в процессе субстантивации [9, с. 146]. Ср., *to help **the unemployed** back into work* — *помогать безработным найти работу – бейкарбуруз кIвалах жагъуриз кумек гун.*

В отношении аффиксов субстантивации в литературе по лезгинскому языку бытует мнение об их принадлежности к исчезнувшим классным экспонентам [4, 7, 6], на основании чего, можно предположить, что в пралезгинском языке признаком субстантивации для прилагательных в единственном числе служили классные детерминанты, которые выражали подразумеваемое определяемое слово, т.е. субстантивирующие суффиксы являлись показателями грамматического класса подразумеваемого имени. Данная точка зрения небезосновательна, если учитывать распространенное в дагестанском языкознании положение о том, что всякая флексия генетически восходит к значащей единице, которая переходит со временем в морфологический инвентарь языка.

Как уже было отмечено выше, в сравниваемых языках субстантивированные причастия сочетаются со словами, характерными для сочетаемости существительного:

- с субстантивированными причастиями могут сочетаться числительные и слова количественного ряда, ср.:

*The newspaper gave a short account of the two **drunks** bursted into Mrs. Green's house. – Газета дала краткое сообщение о двух **пьяных**, ворвавшихся в дом миссис Грин.*

Хъсан тIвар тунилай гъейри Надира вичин хъиз ирс яз булдиз **турди** – еке хизан хъанатIа, тIимил **турди** – куьгъне хъанвай тфенг, ...ракъарар ва къакъара авай гъурчехъандин чукIул я (Къ. М.) – Если в большое наследство своему сыну кроме доброго имени НаDIR оставил (букв. много оставленного) – свою многочисленную семью, то в малое наследство оставил (букв. мало оставленного) – старое ружье, капкан да охотничий нож в ножнах.

- субстантивированные причастия, теряя атрибутивность, в то же время приобретают способность самим становиться носителями признаков: ср.: лезг. гъаваян **недаиди** ‘бесплатная еда’, англ. *happy young marrieds* ‘счастливые молодожены’.

В английском языке субстантивированное причастие I семантически соответствует лезгинскому причастию настоящего времени, морфологически совпадающему с формами прошедшего несовершенного I времени. Это можно проиллюстрировать переводом вышеприведенного английского примера (см. **Something...*) на лезгинский язык:

*И ванце са куь ятIани **рекъизвайдахъ** къалабулук кутуна.*

Наблюдения, однако, показывают, что субстантивация причастий настоящего времени в английском языке очень ограничена. В отличие от причастий настоящего времени в английском языке эквивалентные им лезгинские причастия в процессе субстантивации принимают падежно-числовые флексии: они присоединяют к своей основе флексию – *ди* – в единственном числе, а для множественного числа флексию – *бур*. Например: *къенвайди* умерший, *кикIизвайбур* дерущиеся. Известно, что в лезгинском языке атрибутивная связь причастия и определяемого слова осуществляется способом примыкания: ср.: лезг. **къанвай** аял ‘спящий ребенок’, **къанвай** аялриз ‘спящим детям’. Благодаря же суффиксам – *ди*, – *бур* причастие приобретает способность склоняться, выполняя все синтаксические функции, свойственные существительному, и таким путем выражая его синтаксические связи. При этом субстантивированные причастия склоняются по образцу субстантивированных прилагательных, которые в свою очередь изменяются по падежам и числам по II типу склонения существительных. Обратимся к примерам:

*А чIалал **рахазвайбуру** (эрг.п., мн.ч.) кесибрикай ийизвай ягъанатар (М. Г.). – **Говорящие** на том языке издевались над бедняками.*

*Зун **кIвалахдайдахъ** (местн. II, ед.ч.) къекъвезва (разг.) – Я **работника** ишу (букв. работающего)*

Как видно из первого примера, падежный показатель аффигируется не непосредственно к основе (за исключением показателя им. п.), а к аффиксу субстантивации.

Английские субстантивированные причастия прошедшего времени аналогичны лезгинским причастиям с аффиксами *-й(u)*, *-р*. В отличие от причастия настоящего времени причастие прошедшего времени – *past participle* в английском языке субстантивируется чаще. Не принимающие окончания множественного числа эти причастия семантически выступают как множественное число. Это можно видеть из следующего английского примера, переведенного на лезгинский язык: *The*

actions of the uneducated seem to be typified... (E. Gaskell) – *Кел тавурбурун амалар сад хьыз аквазва*. В приведенном примере *the uneducated* является субстантивированным причастием прошедшего времени. Грамматически данное причастие представлено в единственном числе, однако воспринимается оно как форма множественного числа. Но процесс субстантивации идет не только вширь, давая новые слова, но и вглубь, еще больше ‘субстантивируя’ уже субстантивированные причастия. Так, например, слово *the unemployed* ‘безработные’ имеет собирательное значение и всегда употребляется с определенным артиклем. Однако в современном английском языке можно встретить случаи употребления подобных слов в форме единственного числа с неопределенным артиклем (*an unemployed* безработный) [13].

Следовательно, в отличие от лезгинского, в английском языке для субстантивированных причастий употребление аффикса категории числа не характерно. Однако иногда встречаются субстантивированные причастия прошедшего времени в форме множественного числа с ее морфологическим признаком – аффиксом ‘s’. Например: *But one thing I'll say, and no more; if you spare me, bygones and bygones, and when you fellows are in court for piracy, I'll save you all I can.* (R. Stevenson) – *Я скажу только одно: если вы пощадите меня, забыв прошлое, и когда вы, парни, предстанете перед судом за пиратство, то я сделаю все, что в моих силах, для вашего спасения.*

Г.А. Вейхман утверждает, что вслед за субстантивированными причастиями I типа *shortcomings* ‘недостатки’ полной субстантивации недавно подверглись некоторые причастия II: *retireds* пенсионеры, *old-fashioneds* старомодные (J. Cheever), *illustrateds* коммиксы (E. L. Doctorow), *unwanteds* лишние, *coloureds* цветные, *newly weds*, *young marrieds* молодожены, *undecideds* (=undecided voters, don't know) избиратели, не решившие еще, за кого голосовать (BBC) [2, с. 244]. Как мы видим, все перечисленные выше причастия имеют при себе окончание – s как показатель множественного числа. Однако необходимо подчеркнуть, что данные слова, за исключением выделенных курсивом, не зафиксированы в лексикографических справочниках с соответствующей словарной пометой ‘существительного’, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что эти новообразования, скорее, акт индивидуального словотворчества, чем полностью субстантивированные причастия. Статистика употребления субстантивированных причастий в форме притяжательного падежа, т.е. с окончанием – 's, показывает крайне низкую частотность, за исключением юридических терминов типа *the deceased's will*, *the unemployed's family*.

Проведенный анализ показывает, что в английском языке причастия прошедшего времени подвергаются субстантивации чаще, нежели причастия настоящего времени. Проанализированный нами языковой материал позволяет сделать вывод, что и в лезгинском языке процессу ‘опредмечивания’ чаще подвергаются причастия прошедшего времени.

Таким образом, употребление причастия для выражения предметного значения – распространенное явление как в английском, так и в лезгинском языках. Однако случаи образования

существительного в результате субстантивации очень редки. Субстантивное употребление причастий в лезгинском языке имеет более интенсивный характер, что, на наш взгляд, объясняется присущей ему тенденцией к использованию агглютинативных средств грамматического выражения. Все образования на - *ди* объединяет то, что они представляют собой результат синтаксической редукции ядра субстантивного словосочетания, например: *и кIарасар мишердалди атIанвайбуур я* 'эти дрова *напилены*' вместо: *и кIарасар мишердалди атIанвай кIарасар я* 'эти дрова – *напиленные дрова*'; *хайиди* 'сломанное' (то, которое сломано) < *хайи кьулар* 'сломанные доски' и т.д. Сказанное выше позволяет сделать вывод, что субстантивация в лезгинском языке представляет собой явление, занимающее промежуточное положение между лексикой (словообразованием) и синтаксисом – синтаксическим формообразованием, а именно образованием окказиональной синтаксической формы словосочетания в результате синтаксической редукции ядра субстантивного словосочетания, референциальная отнесенность которого ясна из контекста.

На морфологическом уровне субстантивация в сопоставляемых языках предполагает приобретение субстантивом основных морфологических признаков имени существительного: не имея парадигматических изменений по числу и падежу, став субстантивами, указанные формы уподобляются существительному и морфологически. В английском языке морфологическая перестройка при субстантивации выражается в заметных ограничениях в категориальных формах имени, в формах падежа и числа. Причастие, подвергнутое субстантивации, становится носителем иной семантики, приобретает новый функциональный статус и переходит в особую лексико-грамматическую категорию. Субстантивация вызывает не полное изменение его лексического значения, а сужение и конкретизацию.

Анализ субстантивированных причастий в лезгинском и английском языках задача очень трудоемкая, требующая больших усилий как в плоскости теоретических обоснований сопоставительно-типологического характера, так и в плоскости практических приемов сопоставления. Главной целью в данном случае было обнаружение и уточнение моментов межъязыковых совпадений и несовпадений, что составляет, собственно, основу всякого сопоставительного исследования. Уяснению того, что было универсально и межнационально и что специфично, национально в исследуемом объекте, и была посвящена данная работа, и этим определялись направление поисков и исследовательская методика.

Список литературы

1. Абдулмутаалибов Н.Ш. Переход причастий в другие части речи в лезгинском языке // Труды молодых ученых: Гуманитарные науки. Вып.2. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1996. – С.7-11.
2. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. – М., 2002. – 244 с.

3. Винокурова Л.П. О субстантивации в английском языке // Ученые записки ЛГУ. Сер. фил. наук. – 1959. – Вып. 45. – С. 21-34.
4. Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке // Уч. зап. ИИЯЛ, т. V. – Махачкала, 1958. – С. 217-226.
5. Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. – Махачкала: РИО ДГУ, 1987. – 159 с.
6. Гайдаров Р.И. Система имени прилагательного в лезгинском языке: Спецкурс. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. – 95 с.
7. Мейланова У.А. Еще раз о категории грамматического класса в лезгинском языке // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. – Махачкала, 1992. – С. 87-92.
8. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований (под ред. Серебренникова Б.А.). – М., 1973. – с. 319.
9. Ризаханова З.З. Сопоставительное исследование частеречных признаков прилагательного в английском и лезгинском языках: дис ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 172 с.
10. Самедов Д.С. Фонологические особенности образных слов в некоторых дагестанских языках // Вестник МГУ. Филология. – 1975. – № 5. – С. 6-10.
11. Талибов Б.Б. К вопросу о так называемом причастии в цахурском языке // Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1989. – С. 183-186.
12. The Shorter Oxford English Dictionary. – Oxford University Press, 2007. 6th edition. – 3804 с.

Рецензенты:

Керимов К.Р., д.фил.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Махачкала;
Гаджихмедов Н.Э., д.фил.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Махачкала.